

Когда по ходу действия на сцену вышли девушка и пожилая женщина, по залу пробежал шумок. Кое-где раздались оживленные аплодисменты. Гоголеву, знаменитую Гоголеву, темные нависшие брови, седую голову, узнали многие. Прими актриса другое обличье, ее все равно распознали бы по игре: по простоте и ясности поведения, по удивительной правде и естественности жестов, мимики. Само по себе такое сценическое поведение свойственно многим мастерам. У Гоголевой при всем этом есть своя примета: она играет ярко, броско, пользуется широкими мазками. Но главное, каждое слово, произнесенное ею в полный голос или шепотом, в сердцах, все одно — полнозвучно; оно и до галерки доносит душевное состояние ее героини: будь это горечь или недоумение, минутная радость или страх потерять эту радость. Калейдоскоп чувств, и каждое из них — выпукло, отдельно, не смазано.

Кто же стоит за этой игрой, что думает о себе, о своем театре старейшая русская советская актриса, современница Ермоловой и Станиславского?

Сергеевич Станиславский сказал: «Нельзя говорить лишь до 5 рядов».

много общего между музыкальной и словом! Правильно произнесенное со сцены сло-

Наблюдаю я за ним и вижу, что это — совершенно новый для нас художник, но, повторяю, интересный. Напросилась к нему на маленькую роль в спектакле «Перед заходом солнца». Уфимцы уже видели этот спектакль и имеют о нем представление. Интересная была работа. Удовольствие взаимное. Я благодарна режиссеру за то, что он «снял» с меня некоторый наигрыш, которым я все-таки грешила. Думаю, что и Хейфец убедился в том, что как бы не было сильно стремление приблизиться к реальности, к жизненности событий, на подмостках сцены должна жить театрализованность, пусть чуть-чуть, но должна.

— Значит, важно не переступить это чуть-чуть и...

— ...и не отойти от правды жизни. Хейфецу такое удалось, и за это мы считаем его своим. Каждый, кто работает в Малом, убежден: как бы постановка ни была изобретательной, оригинальной, непохожей, главными остаются глубина содержания и страстность сценической линии. Правда жизни, и только правда жизни — вот что свято на сцене. Нести эту правду до зрителя — актеру, но такому, в котором высока культура, высоко актерское мастерство. Мы, старики театра, спокойны: на смену нам идут мыслящие актеры. Вот, например, Наташа Вилькина. Она превосходно играет в спектакле «Перед заходом солнца». Мне импонирует манера ее игры: значительность, внутренняя глубина переживаний, она умеет раскрыться перед зрителем не сразу, а постепенно. Молодая актриса пришла к нам со стороны, из другой труппы. Естественно, уже с какими-то своими приемами... Поскольку они не противоречат в принципе нашему стилю, бог с ними... Это ли не пример того, что мы не держимся слепо за старое, берем все, что может обогатить, разнообразить выражение лица театра. Мы, старики, спокойны за будущее Малого еще по одной причине: у нас всегда на повестке дня воспитание верности театру. Она должна проявляться во всем, в каждой минуте театральной повседневности. Я хорошо помню, как жила театром Мария Николаевна Ермолова, как она была сосредоточена, углублена в себя перед выходом на сцену. Как-то за кулисами перед самым выходом на сцену (в этот вечер мы обе играли в «Варварах») я подошла к ней и негромко поздоровалась: «Добрый вечер». Ермолова, в обычной очень внимательная и вежливая, не заметила меня. Я заглянула ей в лицо... она и не могла меня слышать: глаза, напряженное выражение лица — все говорило о том, что она вся уже в спектакле. Так жили и работали на сцене Малого многие актеры, целые поколения. Приходят новые мастера сцены, меняются зрители, а Малый по-прежнему творит. Его сила — в верности своим принципам, в их обновлении, в молодости искусства.

Беседа велла А. САБИТОВА.

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля «Перед заходом солнца». Фрау Петерс — народная артистка СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии Е. Н. Гоголева.

Фото В. ОСОТОВА.

«ПРАВДА ЖИЗНИ, И ТОЛЬКО ПРАВДА...»

— Уважаемая Елена Николаевна, Ваша многолетняя верность Малому театру удивительна. Скажите, чем ее можно объяснить — привычкой работать в одном месте или это совместимость, особая близость Вашего творческого лица стилю Малого театра, его традициям! Ведь, если я не ошибаюсь, Вы играете в Малом уже 40 лет!

— Что вы, какие 40? Уже 58 лет, — от души рассмеялась Елена Николаевна. — 58 лет в Малом, и ни разу, ни на минуту, никогда не приходила мне в голову мысль уйти отсюда, сменить его на другой театр. Малый вошел в мою душу еще в детстве, когда вся наша семья, мама поклонялись Ермоловой, Южину, бредили этим театром, проводили вечера на его спектаклях. Все разговоры в доме только и велись, что о Малом театре, который сплавивал вокруг себя передовую интеллигенцию, студенческую молодежь. В те годы на его сцене жили и боролись сильные, волевые, целеустремленные герои «Орлеанской девы» Шиллера, «Рюи Блаза» Гюго, «Дона Карлоса» Шиллера. С огромным успехом шли и «Без вины виноватые», «Бедная невеста», «Горе от ума», «Мария Стюарт». Малый театр проповедовал реализм — но реализм крупных форм и ярких красок, в нем не было излишней детализации, дробности. Правду жизни прославленные мастера сцены облекали в выразительную театральную форму, в образное обобщение. Любовь к Малому осталась во мне на всю жизнь. Я признаю другие театры, других режиссеров, хотела бы, скажем, поработать с Завадским (теперь уже покойным), с Товстоноговым, но

только в нашем театре, чтоб они шли от наших традиций. Хотя, согласна, традиции Малого — не догма, не нечто застывшее. Время есть время, и оно ворвалось в старинный театр. Но это не значит, что Малый меняет свое лицо, отказывается от традиций. Много приходило к нам художников, которые пытались поломать их, но это не наше, это чужое. Малый остается Малым. На его подмостках расцвел талант многих мастеров сцены. Я пришла в Малый восемнадцатилетней девочкой, но уже со сложившейся любовью к нему, с почитанием, поэтому моя работа в нем складывалась для меня радостно, естественно, счастливо. Если и были трудности (а они, конечно, были и есть), то это трудности единомышленника, верного поборника его традиций.

— Когда заходит речь о Малом театре, театральные критики, поклонники неизменно начинают вести разговор вокруг его традиций. Не становятся ли эти пресловутые традиции некой обузой, препятствием в творческом развитии вашего театра?

— Не успела я закончить фразу, как Елена Николаевна тут же отпарировала:

— Нет! — Она чуть помолчала и уже мягче, но так же страстно, словно убеждая собеседника, сказала:

— Разве может речь, слово произнесенное понятно и для зрителя, сидящего на самом последнем ряду, слово, поданное тобой в зал во всем величии и богатстве его смысловых оттенков, — быть обузой?! Актер не актер, если он произносит со сцены что-то маловразумительное, себе под нос, проглатывая отдельные буквы. Константин

Все поколения актеров нашего театра уважали сценическое Слово. Вот что писал И. С. Тургенев о рассказах актера Грова Михайловича Садовского:

«...Мы умирали со смеха, слушая импровизированные им сцены, диалоги из крестьянской жизни. У него много воображения и правдивости игры, интонации и жеста, какой я почти никогда не встречал в таком совершенстве». Особый расцвет дарования Садовского пришелся на годы, когда он стал играть в драмах Островского, когда соприкоснулся с его языком. Популярность актера быстро росла. Рассказывают, стоило Садовскому прийти в трактир или лауку, как полове и прикатчики вежливо и твердо отвечали: «Со своих-с не берем!»

Помнится, когда только-только начинался театр «Современник», я пришла на его спектакль «Валентин и Валентина». Села в пятом ряду... и ничего не слышу, не понимаю. До меня доходят отдельные слова, а за ними набор звуков... Думаю, оглохла. Прошли годы. Сейчас в «Современнике» можно услышать Слово. Если актер чувствует, понимает, любит слово, знает, что такое высокая культура слова, то он обязательно донесет до зрителя мысль драматурга, характер спектакля, замысел режиссера. Не а самые лучшие времена, когда плохо было у нас с репертуаром, я занималась концертной деятельностью: читала классическую и современную поэзию. С особой радостью вспоминаю! концерты, которые мы давали с арфисткой Орбели. В нашей программе неизменно стояли — английские баллады в переводе Самуила Яковлевича Маршака. Оказывается, как

во может петь, страдать, захлебываться от счастья, изнывать от тоски — источать все тончайшие движения человеческой души.

— Считается, что современное сценическое искусство переживает режиссерский этап. Как эта примета времени отражается на вашем театре, где всегда был примат актера?

— Да, в Малом театре всегда был примат актеров. Именно актеры, а не режиссеры несли славу этому старинному культурному центру. При слове Малый в памяти всплывают имена целой плеяды мастеров сцены: Щепкина, Мочалова, Федотовой, Ермоловой, Яблочконой, Турченинсовой... Однако это не значит, что в спектаклях театра не было единой направляющей мысли. Вспомним, даже во времена разводящих режиссеров, когда в театр принесли свои драмы Островский, они были написаны конкретно, в расчете на отдельных исполнителей, с учетом их актерской индивидуальности. Таким образом, Островский, по сути дела, стал первым режиссером-постановщиком своих пьес в Малом театре. Но зрители смотрели и смотрят у нас не только Островского, спектакли по пьесам и других авторов пользовались немалым успехом. В чем же тут дело? Ответ только в одном — в сосредоточии в стенах одного театра целой группы талантливых актеров. Малый и сейчас отличается сильная актерская труппа, однако если раньше наш артист шел к раскрытию образа от эмоций, как он говорил, от внутреннего ощущения, то сейчас от ума, от рассудочности.

Вот пришел к нам молодой интересный режиссер Леонид Хейфец.